

Отзыв рецензента

Громова Ф.Ю.

на выпускную квалификационную работу по направлению подготовки 035300/50.03.01
«Искусства и гуманитарные науки»

(профиль подготовки: «История искусства»)

Строевой Марии Юрьевны

«Образы Христа в творчестве Василия Polenova.
Художественный и историко-религиозный анализ»

Автор работы ставит перед собой весьма непростую задачу – осветить тот важный элемент русского искусства XIX столетия, которому у нас все еще уделяется недостаточно внимания – столь устойчивы традиции, заложенные в советскую эпоху, – религиозную тему, никогда более не занимавшую в отечественном искусстве столь критического, внутренне напряженного положения – ни в православное Средневековье, ни в атеистический XX век. Polenov, как мастер пейзажа, каким его предпочитают считать, следуя А. Н. Бенуа, отчего-то уделял иллюстрированию «жизни Иисуса» беспрецедентное внимание – вправе ли мы проигнорировать это начало его творчества? Ближайший аналог здесь – библейские эскизы Александра Иванова, кстати, проистекающие примерно из того же культурного источника, только вместо Ренана у предшественника Polenova – Штраус.

Сразу отмечу, что автор хотя и упоминает в одном месте Иванова, не делает никаких попыток сопоставить работы своего героя с творчеством этого живописца как такового, не с одной лишь его «главной» картиной, и то упомянутой лишь вскользь. То же и в отношении еще одного одержимого евангельскими сюжетами русского художника – Ге, о котором сказано еще меньше. В чем же, однако, еще должна состоять главная задача исследователя, стремящегося вернуть науке какие-то забытые страницы, если не в помещении их в правильный контекст? Что означает: в сопоставлении с параллельными явлениями эпохи, хотя бы даже и без обращения к зарубежному искусству, допустим, на данном этапе трудноосуществимого. Ничего подобного мы в работе не найдем – Polenov в представлении автора словно бы трудился в безвоздушном пространстве, как будто и не было в русской культуре XIX века того обостренного интереса к «подлинному Христу», которое на материале творчества одного художника раскрыть, пожалуй, невозможно. Опять же, я вовсе не требую привлечения каких-то литературных или философских параллелей, но ближайший круг – работы других русских живописцев – было бы странно в этой связи вовсе не подвергнуть анализу. Ведь только тогда можно было бы осветить и очень важную негативную составляющую их деятельности – противопоставления своей (научной, гуманистической) истины позиции официальной церкви, писали-то они отнюдь не иконы...

Вместо этого в первой главе нам предлагают познакомиться с тремя интерпретациями Евангелия, выбор которых довольно странен. Лишь Ренан принадлежит исследуемой эпохе, Ратцингер же и Иларион – наши современники; обращение к ним с единственной целью – посмотреть, как сейчас трактуют Христа теологи (хотя Ренан как раз теологом и не был) Запада и России – может быть своего рода подготовительным этапом к написанию работы (даже и отраженным в ней, но каким-то иным образом!), проще говоря, элементом самообразования учащегося, не более того. Либо у читателя

может создаться впечатление, что, помимо Ренана, существует еще только два примера интерпретации личности Христа в европейской культуре. Более того, автор предлагает столь скудную выжимку из означенных трудов, что даже рефератами сие назвать не поворачивается язык; ею, конечно, обоснованно выделен важнейший вопрос всех трех текстов – о Божественном и человеческом в Христе, – но можно ли утверждать, что иные аспекты теологии и истории религии на сознание художников никак не влияли? Тем более, что расплывчатый вывод «Поленов изображает Христа человеком» мало что дает пониманию и его творчества, и всей ситуации с религиозными сюжетами в искусстве того времени.

Наконец, нет в работе и полноценной историографии творчества Поленова, скажем, советский период рассмотрен абсолютно некритически, а ведь при восполнении определенного недостатка, хотя и заложенного до 1917 года, но развитого и закрепленного позднее, целью должно стать понимание причин и мотивов, через освоение процесса формирования отношения к художнику. Выборочная критика Поленова приведена автором почти как слово «адвоката дьявола», нечто поразительное и малопонятное... но ведь так обычно у нас и относились всегда к тому, что кто-то (прежде сказали бы: «реакционная критика» или «буржуазные эстеты») смел великих русских живописцев не понимать! Ранг Поленова в работе вообще никак не определен, его место в истории искусства оказалось вне поля зрения автора, для которого короткие волосы Христа куда важнее общей неуклюжести и нелепости (особенно с высоты настоящего момента!) самой большой картины художника.

Итак, если реферативное – в лучшем случае – изложение трех весьма разноплановых сочинений о Христе громко названо «историко-религиозным анализом», то художественного анализа в работе и в помине нет, его подменяет обычный в таких случаях пересказ фактов, имевших непосредственное отношение к художнику и его картинам. И все-таки оригинальный подход следует оценить – автор, по крайней мере, попыталась разобраться в том, какого рода духовные мотивы привели к появлению уникальной серии Поленова. Попытка эта, увы, не вполне увенчалась успехом. И оценка «хорошо» – вот то, чем могут быть вознаграждены усилия автора в итоге.

Кандидат культурологии

Старший преподаватель кафедры искусствоведения СПбГИК

Старший научный сотрудник Российского института истории искусств

Громов Ф.Ю

Громова Ф. Ю.

Громова М. Е.